

Последняя книга Виктора Гюго

(La Legende des siecles, par Victor Hugo. 1-re serie. Histoire. Les petites epopées. 2 vol. Paris, 1859¹)

М. Л. Михайлов. Сочинения в трех томах.
Том третий. Критика и библиография. <Записки>
М., ГИХЛ, 1958
[OCR Бычков М. Н.](#)

¹ Виктор Гюго, Легенда веков. Первая серия. История. Маленькие эпopeи. Два тома. Париж, 1859 (франц.).

I

Задача, которую предположил себе знаменитый французский поэт в своей последней книге, огромна. Два довольно объемистых тома стихов, изданные им теперь как первый отдел "Легенды веков", составляют, по его собственным словам, лишь начало громадной цепи поэм, долженствующей обнять собою всю историю человечества. Но и этот первый отдел, названный Виктором Гюго "Небольшими эпopeями", не есть отрывок. Он составляет нечто целое, как перистиль здания есть целое, будучи в то же время лишь частью другого, большего целого. Вот как сам поэт определяет свою задачу. "Выразить человечество,-- говорит он,-- в циклическом произведении; изобразить последовательное развитие его со всех сторон, в истории, в басне, в философии, в религии, в науке, которые сливаются в одном общем и громадном движении вперед, к свету; отразить как бы в зеркале (которое судьба каждого земного труда разобьет, вероятно, прежде, чем оно достигнет предположенных автором размеров) этот великий образ, единый и разнообразный, мрачный и лучезарный, роковой и священный, человека; вот какая мысль, вот какое честолюбие, если хотите, породили "Легенду веков".

Мы знаем поэмы, в которых весь, как он есть, со всех сторон, со всеми своими грехами и светлыми деяниями, со всеми своими верованиями и скорбями, стремлениями и бедствиями

отразился век
И современный человек,

как он представлялся сыну этого века, поэту; но и таких поэм немного. Такова эпopeя Данта, в которой, как в фокусе, отразилась его эпоха; такова рыцарская песня о Нибелунгах. Таковы, наконец, сказания Фердауси о судьбах своей земли, рапсодии Гомера и бесконечные поэмы Индии. Во всех этих поэмах, независимо от современности, отразилась и история; но история национальности, к которой принадлежали поэты. Такого исторического плана, какой начертал Виктор Гюго, не задавал еще себе ни один поэт.

В дополнение к приведенным выше строкам следует прочесть более подробное объяснение задачи двух изданных теперь томов в предисловии Виктора Гюго. "Поэмы, составляющие эти два тома,-- объясняет он,-- суть не что иное, как последовательные очерки человеческого профиля, из века в век, от Евы, матери людей, до революции, матери народов; очерки эти сняты то с варварства, то с цивилизации, почти всегда с живого облика истории... Для поэта, как и для историка, для археолога, как и для философа, каждый век есть изменение физиономии человечества. В двух этих томах, которые, повторяем, будут продолжены и дополнены, собраны черты некоторых из этих изменений. Читатель найдет тут кое-что из прошедшего, кое-что из настоящего и увидит, так сказать, в неясном мираже будущее. Впрочем, все эти поэмы, различные по содержанию, но внушенные одною мыслью, связаны лишь одною нитью. Нить эта теряется иногда в невидимом будущем, но она никогда не прерывается. Эта великая руководная нить в таинственном лабиринте жизни -- прогресс".

Приступая к своей отрывочной эпopeе, Виктор Гюго брал из истории и из предания народного лица и события, которые, на его взгляд, выражали более или менее физиономию человечества в